

Иеромонах Антоний

Вси насладитесь

Предпасхальное слово

Заканчивая Великий пост, всмотримся в его конечную цель, в священную, в светоносную ночь Пасхи. Эта ночь, в которую Церковь украшается в свои лучшие одежды, и поет свои вдохновеннейшие песни, встречая воскресшего Жениха — Христа. Бодрствуют христиане православные! В древности особо строго наблюдалось, чтобы никто не спал в эту ночь... Одним словом, готовимся в чему-то великому.

И справедливо: если Владыка Антоний [вероятно, Храповицкий — ред.] проникновенно объяснял, что каждый праздник есть таинство, то праздник праздников — Пасха, есть таинство таинств, о котором я не смею и не умею любомудрствовать.

Впрочем, остановившись над глубиной Пасхи, уловим хотя бы ту истину, что в ту ночь Человеколюбец к нам как бы сугубо милостив. Множество беззаконий наших, в иное время столь тягостных для совести, если только она не усыплена, и если мы сокрушались о них, здесь облегчаются одним вздохом умиления. Поверим в это «богатство благодати», о котором возглашает божественный Иоанн, насладимся «пиром веры», на который его златыми устами зовет Церковь. Слово Златоуста, на которое я ссылаюсь, так совершенно говорит о Пасхе, что в светлую ночь никто не заменяет его и не дополняет свою проповедь. В русских храмах оно читается неизменно... Впрочем, о русском народе и вообще известно, что ни один другой народ так не празднует Пасху. За это благодарение Господу!

Но минуя наш дорогой и любезный русскому сердцу пасхальный быт, минуя несказанную красоту русского патриархального богослужения, задумаемся о главном, о высочайшем моменте праздника Пасхи. И задумаемся, и смиримся, и признаем, что многие и многие из нас еще не научились истинно церковному празднованию Пасхи.

Что за пир веры, на который зовет нас Златоуст?

В воскресенье, в которое читается Евангелие о блудном сыне, когда мы еще готовимся к Великому посту, церковное толкование этой притчи, поясняя, что Блудный это мы, а Отец его — Отец наш Небесный, говорит: «И тельца упитанного его ради (т. е. нас ради!) закаляет, Сына Своего Единородного Отец, и Плоти Его дает причаститься и Крови» (Синаксарий в Неделю блудного сына). Чудная притча, а исполнение ее — Пасха.

Только мы вспомним об Отце нашем Небесном, только двинемся к Нему, Он отверзает объятия Отца и дает нам причаститься Сына Своего Единородного. Если так бывает при каждом обращении грешника, то пасхальная ночь, как бы предельно сокращает грань времени между решением пойти к Отцу и объятиями Отцами, в которые падают души наши, чтобы насладиться совершенно незаслуженной трапезой Тела и Крови Христовых. Вот почему Златоуст все в том же знаменитом слове говорит: «Трапеза исполнена, насладитесь вси, Телец упитанный, никто же да изыдет алчай: вси насладитесь пира веры...»

Слышите: «Вси насладитесь!»

Вот почему в древности именно в пасхальную ночь причащались все — и старцы, и дети, и мужи, и жены, и здоровые, и больные (последним Св. Тайны носились на дом). Даже в вечер Великого четверга, когда и установлено таинство, причащались преимущественно священники, как служители алтаря, ибо алтарь есть горница Тайной вечери. А на Пасху причащались все.

Читаем в 66 правиле VI-го Вселенского собора: «От святого дня Воскресения Христа Бога нашего до недели новья, во всю седмицу верные должны во святых церквах непрестанно упражняться во псалмах и пениях духовных, радуясь и торжествуя во Христе, и чтению Божественных писаний внимая и святыми Тайнами наслаждаясь... Ибо таким образом (читаем мы дальше) со Христом купно воскреснем и вознесемся.»

Если так разсудили отцы даже о целой светлой седмице, как нам не вспомнить об этом в первый ее и светлейший день.

Ведь от забвения наслаждения Св. Тайнами, увы, многие перешли к тому, что стали пренебрегать пасхальной литургией и, выстояв светлую заутреню, которая служит к ней лишь приуготовлением, уходят разговляться.

Но ведь не к розговенам же нас звал церковный колокол! Не для того были и свечи и многократное «Христос воскрес!»

«Да будет известно, — говорит церковный устав об освященных пасхальных яствах (мясе, куличе, яйцах, сырной пасхе), — что это не Пасха и не Агнец, как некоторые говорят и понимают, и особенно благоговейно вкушают, как бы некую святыню, но простое приношение, ибо его надо приносить не как жертву Богу, а лишь для того, чтобы священник молитвою благословил сие начинающим после поста вкушать мясо и сыр (вообще скоромное)... Ибо Пасха и Агнец — это Сам Христос, взявший на себя грех мира, приносимый священником на Престоле Богу и Отцу в пречистых Тайнах Честного Тела и Животворящей Крови. И тому (Христу) причащающиеся, истинную ядят Пасху.»

Об этом поется и в антифонах Великой Пятницы: «Не якоже иудее празднуем: ибо Пасха наша за ны пожрен бысть Христос» (антифон 15).

Но, скажут мне, мы приобщаемся Христу и тогда, когда приобщаемся Св. Тайнам, на 1-й или на 4-й неделе поста, в Великий Четверг, Великую субботу и другие дни...

Воистину так, и более того! «Пасха вожделенна, — как об этом говорит преп. Феодор Студит, — есть очищение грехов, сокрушение и смирение сердца, слезы умиления, чистота совести, устранение плотских страстей... Кто сподобился достигнуть в таковые дела добродетелей, тот празднует Пасху Господу и совершает светлый и многовожделенный праздник, не однажды в год, но во всю свою жизнь» (преп. Феодор Студит, поуч. огл.).

Явление чаши народу всегда означает Воскресение, и за каждой полной литургией священник, причастившись, тайно читает пасхальные песни «Светися, светися, новый Иерусалиме» и «О, Пасха велия». Но почему эти же песнопения все в ту же великую ночь впервые звучат явственно? Почему стих: «Тело Христово примите, Источника безсмертнаго вкусите», который обычно сопровождает причастников к чаше, когда таковые имеются, в пасхальную ночь поется непременно еще до явления чаши, как бы всем повелевая приступить? И как можно, имея в иные дни спасительную жажду причащения, не гореть этой жаждой богообщения в Его день — Христов день?

Вот и царские врата от пасхальной ночи семь дней не закрываются. В Великий четверток, в дивный вечер Таинства, их откроют для причащения верных мирян, как всегда, после Тайной вечери священников. Но на Пасху всем дано видети и самую Тайную вечерю.

«Не сер де ли наше го рю в нас?» (Лук. 24,31.) го ю р и Лука и Кле о па, ко да Он о жр ыся им в преломлении хлеба. Как же не загоримся мы, знаяще, Кто этот Хлеб, и что Он воскрес?!

И 7 дней перед алтарем будет стоять хлеб-артос в напоминание о хлебе жизни — Воскресшем Христе.

Зачем пасхальную литургию указано совершать «по рану»? Куда это Церковь нас торопит, вернее, куда нас так стремительно влечет в эту спасительную ночь Сам Христос Бог наш?!

«Питие новое... во Царствии Моем... пию, якоже бо Бог с вами, боги (т. е. богами), буду», — обещает Христос апостолам (канон Великаго четвертка, песнь 4). А в светлую ночь мы все услышим: «Приидите, пиво прием новое... Нетления источник» (ирмос 2 Пасхального канона).

Еще с вечерни Великой Субботы пророческим чтением (Исх. 12, 1—11) о поспешном ядении прообразовательного агнца Моисей подготовил нас к этой стремительности.

Прекрасен русский обычай начинать пасхальное богослужение в полночь, и не прерывая, совершать вечерю Господню до утра.

Немощные естеством, но препоясанные силою свыше, крестообразно сложив руки, и с жезлом молитвы, все поспешим к чаше. Сия Пасха есть Господня! (Исх. 12, 11).

Ты говоришь: не смею, не подготовлен... — Но ты дерзал в иные дни. А в эту ночь Господь всё прощает. К Петру отрешемуся Он на развете этого дня через ангела посылает мвроносиц с благовестием (Марк. 16, 7).

Скажешь: как я буду праздновать, есть и пить? — Но в этот день Церковь не только не спрашивает с нас поста, а прямо запрещает его (Ап. пост. пр. 64 и Гангр. соб. 18).

• Буду в обществе, не смогу удержать ум собранным... — Что же, вспомни, что сила и величие Его отражается в каждой капле.

Слышал я об иерее Божиим, который в пасхальную ночь предложил всем оставшимся у литургии причаститься, даже не исповедывавшимся. Если бы он ввел это как всегдашнее правило, было бы крайне соблазнительно. Но если он лишь однажды возревновал, и дерзнул взять на свою совесть неподготовленность паствы, чтобы разбудить ее и показать, что для нея Господь даровал эту св. ночь, я не дерзну поднять на него камень.

Встретил я и другого иерея, который хвалился, что отучил прихожан причащаться на Пасху. «Ведь у нас, говорят, в России этого не было...» Что сказать на это?!

Весь Великий пост есть подготовка к тому, чтобы на Пасху приступить к чаше. Вот за неделю до его начала Церковь поет: «Возведемся к покаянию, и чувства очистим, к ним же брань, вход поста творяще, надеждою благодати сердца известующе... И снесся нами Агнец Божий во священной и светоносной нощи Воскресения; нас ради приведенное заклание, учеником приобщенное в вечер таинства, и тьму разгоняющее неведения, светом его Воскресения» (неделя мясопустная, стихира на стиховне вечера).

Через два дня слышим: «Помолимся видети образныя зде Пасхи совершение и истинныя явление» (Вторник сырн. на стих. веч).

Еще через неделю молимся: «Да достойни будем причастия Агнца, за мир закланнаго волею Сына Божия и духовно празднуем из мертвых Спасово Воскресение» (Вторник 1 седм. на стих. веч.).

Проходит два дня, снова поем: «Желающе Божественныя Пасхи причастится, не из Египта, но из Сиона грядущия, греховный квас отымем покаянием» (Четверг 1 седм. стих. на стих. веч.).

На другой день: «Назнаменаимся Кровию о нас Веденнаго на смерть волею, и не коснется нас губитель: и снемы Пасху Христову священнойшую» (Пятница 1 седм. стих. на утр.)

В среду четвертой седмицы: «Сподоби причастится и божественныя Пасхи Твоя» (стих. на Господи воззвах).

Чем ближе Пасха, тем неудержимее наше стремление: «Радостию потецем предварити и страшное и святое Воскресение» (неделя 4-ая, вечерняя стихира на Господи воззвах).

Нельзя, чтобы такая напряженная подготовка завершилась только символическим, хотя и вдохновенным празднованием Воскресения Христова!

В этот день, «сотворенный Господом», когда благовествуется, что «Слово Плоть бысть и вселися в ны» (Иоанн 1, 14), распространим сердца наши, вместим в себя и мы Бога Слово в пречистых таинах Его Тела и Крови, чтобы Он обитал с нами и в нас.

Послушайте: как христианин вообще готовится к причащению? Молитвой, исповедью... А еще? Скажем: постом, чтением духовных книг, примирением с ближними...

А как нас всех Церковь готовит к Пасхе?

Постом... Здесь великая Четыредесятница, и перед самой Психой единственная в году строго постная Суббота, Великая Суббота.

Чтением... В посту усиленно перечитывается в Церкви Псалтырь, читаются книги Бытия, Притчей, св. пророка Исаии... Перед самой светлой заутреней прочитывается вся книга деяний апостольских.

Что касается примирения с ближними, то вспомни, как в первенствующей Церкви каждый раз перед возношением Св. Даров, после слов «возлюбим друг друга», верующие (а все они готовились причащаться) целовали друг друга. Это, как объясняет Симеон Солунский: «в знак того, что людям должно любить друг друга... что желающий причаститься Его (Христа) должен предстать без вражды, и что в будущем веке все будут друзьями». Впоследствии этот обычай целования должен был быть уничтожен, может быть, потому же, почему был уничтожен и непрменный обычай причащаться за каждой божественной литургией или в каждый праздник, потому что те, древние, были духовнее, потому что ослабли мы. Но в пасхальную ночь, которая есть образ будущего века, и мы, все, все приглашаемся к священной трапезе и поем: «Простим вся Воскресением», и даем друг другу тройное лобзание мира.

Один иерей рассказывал мне, как мальчиком забегал он в пасхальное утро в уже опустевший после торжественного богослужения храм. Светло, нарядно, но безмолвно и безлюдно... И мальчику становилось грустно: Христос один!

Братие! В день Воскресения не подобает оставлять Христа одиноким. Все страннопримем Его, Единого, не имевшего где преклонить главу, в сердца наши. Все примем в себя Тело и Кровь Его. Аминь.

Иеромонах Антоний. Сборник «Воскресение Христово» 1947 г.

Источник публикации — «Православная Русь», No 7, 1992 г.